

Фаддей Булгарин

Марина Мнишех, супруга Димитрия Самозванца

Фаддей Булгарин

**Марина Мнишех, супруга
Димитрия Самозванца**

«Public Domain»

1830

Булгарин Ф. В.

Марина Мнишех, супруга Димитрия Самозванца /
Ф. В. Булгарин — «Public Domain», 1830

«По пресечении царствовавшего рода Пястов и по установлении избирательных королей правление Польши было весьма необыкновенным явлением в политическом мире. При всяком избрании нового короля дворянское сословие, представлявшее собою независимую республику, исторгало посредством условий, или Pacta conventa, новые преимущества и выгоды, которые, ослабляя власть королевскую, тем более отягчали земледельческое состояние...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Фаддей Булгарин
Марина Мнишех, супруга
Дмитрия Самозванца
Историческая статья Фаддея Булгарина

* * *

По пресечении царствовавшего рода Пястов и по установлении избирательных королей правление Польши было весьма необыкновенным явлением в политическом мире. При всяком избрании нового короля дворянское сословие, представлявшее собою независимую республику, исторгало посредством условий, или *Pacta conventa*, новые преимущества и выгоды, которые, ослабляя власть королевскую, тем более отягчали земледельческое состояние. Бедное дворянство пользовалось только тенью свободы; купечество и мещанство вовсе не участвовали в правлении; вся власть пребывала в руках богатого дворянства и вельмож, которые в своих поместьях были почти независимыми владетелями и тогда только появлялись ко двору, когда имели нужду в королевских милостях. Никакое важное постановление в государстве не совершалось без согласия Сейма, в котором послы, выбранные от воеводств, решали дела общим согласием. Один противный голос (*veto*) разрушал самые благие намерения, и нередко руководимые духом партий вельможи жертвовали выгодами отечества личностям и честолюбию. Пламя раздоров никогда не угасало на земле Польской; возмущения против правительства под названием конфедераций, открытые брани вельмож между собою или заграничные войны беспрерывно занимали народ и опустошали страну. Дворянство проводило большую часть жизни на коне и в поле, земледелец страдал, торговля и мануфактуры не могли процветать в подобном состоянии государства; города приходили час от часу в больший упадок, и если по временам торжество над внешними врагами и голос победный возбуждали в благородных сердцах желание возвысить отечество внутренним устройством, истребить безначалие и утвердить на престоле власть наследственную, то враги порядка восставали против людей благонамеренных, называли покушения их вредными свободе польского народа, и государство все глубже погружалось в бездну несчастий, которая наконец поглотила его, оставив для потомства урок горький, но спасительный.

В таком состоянии находилась Польша при избрании на престол шведского королевича Сигизмунда, последней отрасли рода Ягеллов. Избрание его и прибытие в Польшу (1587 г.) ознаменованы были кровопролитием, продолжавшимся почти беспрерывно во все время его сорокапятилетнего царствования. Бунт вельмож Зебржидовского, Радзивилла, Зборовского и возмущение казаков излили все ужасы междоусобной брани на несчастную Польшу; войны с турками за обладание Молдавией) и Валахией, со шведами о наследстве престола истощили извне силы королевства; со всем тем Сигизмунд, побуждаемый честолюбием и ревностью к распространению католической веры, еще продолжая войну со шведами и не усмирив даже внутренних неурядиц, вознамерился восстать на Россию и под предлогом возведения на престол Дмитрия, именовавшегося князем Российским, утвердить в России католическую веру и возвратить потерянные области. В сие время (1605 г.) самозванец, руководимый, наставляемый и вспомоществуемый иезуитами, блуждал в Польше и собирал приверженцев, которые из легковерия или в надежде корысти признавали его наследником царского престола. Иезуиты поручили самозванца особенному покровительству князя Адама Вишневецкого и тестя его Юрия Мнишеха, воеводы Сендомирского. Представленный королю, самозванец сумел скло-

нить его в свою пользу при помощи папского нунция Рангони, которому клятвенно обещал обратить Россию в католическую веру. Король назначил самозванцу пенсию, позволил панам польским помогать ему в его замыслах и набрать для него войско в своих областях, не объявляя однако ж явного разрыва с Россиею, не докладывая Сейму и вообще давая сему происшествию вид частного дела, вовсе чуждого делам республики.

Хитрый самозванец чувствовал, что ему необходимо надлежало связать неразрывным узлом судьбу свою с судьбою какого-нибудь могущественного рода в Польше, чтобы во всяком случае иметь верное пристанище и надежную помощь. Юрий Мнишех равнялся богатствами со всеми польскими вельможами, родством соединялся с знатнейшими фамилиями, пользовался особенною милостию короля, был почитаем духовенством и любим дворянством; на сего вельможу самозванец обратил свои виды и решился вступить в его семейство.

Дочь воеводы Мнишеха Марина почиталась одною из богатейших и прекраснейших невест во всей Польше. В замке Самборе она проводила юность свою, окруженная толпою обожателей, стекавшихся со всех концов государства, чтоб заслужить ее любовь и руку. Марина имела тогда около 18-ти лет от роду, когда самозванец в первый раз появился в Самборе (1605 г.) Он был 25-летнего возраста; наружность его не могла нравиться девице, пред которою цвет польского юношества преклонял колена. Самозванец был роста среднего, рыж волосом, лицо имел бледное, глаза голубые, взор пасмурный; обхождение его было неловкое, а молчаливость его и задумчивость еще более делали неприятным его общество. Нельзя верить его приверженцам, которые, описывая его вышесказанным образом, говорят, что прелестная и умная Марина пылала к нему взаимною любовью. Честолюбие, ослепившее отца, совратило и дочь с пути благоразумия. Марина, отвергшая самые выгодные замужества, хладнокровная к самым пылким изъявлениям страсти польского юношества, на первое открытие любви самозванца отвечала взаимностию и согласилась вступить с ним в брачный союз, не прежде однако ж, как по совершении великого подвига овладения Российским престолом, в котором предприятии Мнишех обещал всеми средствами помогать будущему своему зятю. Между тем в Лемберге собиралось войско и делались все нужные приготовления к войне под ведомством и издержками Юрия Мнишеха, князей Вишневецких и других польских и литовских вельмож. Прочие приверженцы самозванца в самой России искали ему пособий, и ревностнейший из всех польский дворянин Ратомский подговорил для него 7000 донских казаков. Число войск, набранных в Польше, по свидетельству Весенберга, простиралось до 10-ти, а по сказанию Кобержицкого, до 15-ти тысяч. С сими-то слабыми силами самозванец вторгнулся в пределы России, перешел Днепр в близости Киева и направил путь к Москве чрез Чернигов. Самозванцу легко было найти приверженцев в самой России. Борис Годунов, государь мудрый, искусный в управлении, не был любим боярами. Он был щедр к народу, радел о благосостоянии оного, старался о введении просвещения и европейской образованности и в короткое время своего царствования сделал весьма много полезного для России. Но, достигнув престола ухищрением и даже злодейством, он не мог владеть обширным государством с спокойствием и снисходительностью, как государи законные, рожденные на троне. Подозрения мучили его, и опасение потерять корону заставляло его употреблять к удержанию оной средства, послужившие к ее стяжанию. Следуя обыкновенной политике всех похитителей, он окружил себя своими клеветами, отдалив прежних чиновников, которые казались не весьма ему преданными. Не смея явно нарушить клятвы, данной им при избрании на царство, — не проливая крови, самые тяжкие преступления наказывать ссылкой, — Борис тайно умерщвлял подозрительных ему людей, и вместо лобной казни яд и кинжал истребляли несчастные жертвы его властолюбия. Установив законом отдавать имение презренным доносчикам, Борис сим адским средством поколебал нравственность народа, унизил добродетель, возвысил порок, открыл обширное поприще злодейству, мщению, корыстолюбию и всех добрых смиренных граждан повергнул в отчаяние. Расторглись священные узы родства и брака, недоверчивость истребила любовь и дружбу, исчезли граж-

данские отношения между начальником и подчиненным, между слугою и господином; целые семейства погибали в темницах или стенали в заточении. Бояре ненавидели Годунова, и народ, невзирая на его благодеяния, не мог любить его, следуя внушениям его врагов. Даже оружие его мести, палачи, льстецы и наушники, страшились его и желали его гибели. Перст гнева Божеского коснулся России: голод томил несчастных ее жителей; ужасный Хлопка лишал их жизни и остальных сокровищ. Взаимная доверенность, человеколюбие сокрылись в сердцах и не смели обнаружиться для блага человечества, страшась измены. Россия страдала, и общий глас, глас Божий, обвинял Годунова.

При таком состоянии государства самозванцу нетрудно было склонить на свою сторону народ и бояр. Одни из мщения, другие в надежде лучшей участи, некоторые из корысти, большая часть по легковерию приняли его сторону. Разосланные повсюду приверженцы Лжедмитрия разглашали басню о чудесном избавлении царевича Дмитрия Иоанновича: говорили, что он, спасенный Божиим промыслом от злобы Годунова, вступил в отеческую землю принять достояние своих предков, карать похитителя и управлять Россиею по соизволению Всевышнего с миром и любовью. Привязанность к царской крови – отличительная черта русского народа – произвела в сем случае удивительные действия. Народ спешил соединиться с Лжедмитрием; войско Годунове слабо сопротивлялось; бояре и дворянство предупреждали желания самозванца, и он вскоре, одержав некоторые победы над высланным против него воинством, вступил в Москву и воссел на Русском престоле, который ему очистил Борис Годунов самоубийством, которого не мог удержать юный Феодор в столь бурных обстоятельствах.

Мы в нескольких словах упомянули обо всех случаях, предшествовавших возведению на престол Дмитрия Самозванца, ибо все они относятся к его жизнеописанию и не входят в состав истории Марины. От сей эпохи, т. е. от восшествия на престол самозванца, начинается ее политическая жизнь и вступление на то блестящее поприще, на котором она обратила на себя внимание истории и снискала имя, присоединяемое ныне к числу названий, постыдных для человечества и ненавистных для России.

Утвердившись на престоле, Лжедмитрий отправил послом в Польшу думного дьяка Афанасия Власьева для заключения союзного договора с королем Польским и для обручения с Мариною. Посол прибыл в Краков в то время, когда праздновали бракосочетание короля Сигизмунда с Австрийскою княжною Констанцией. Князья Австрийского дома, послы чужеземных государей, сестра Сигизмунда Шведская королевна Анна и богатое польское дворянство находились в сем городе. Русский посол, объявив на публичной аудиенции цель своего посольства, рассеивал тайно вести о ложном происхождении Дмитрия и старался всеми средствами воспрепятствовать сему бракосочетанию. Польские историки описывают сего посла человеком умным, сведущим в посольских делах и преданным партии Шуйских. Однако ж ни король, ни Мнишех не поверили или показывали вид, что не верят слухам, распространяемым послом и его приближенными. Положено было, чтоб посол обвенчался немедленно именем своего государя с Мариною, и 29 ноября (нового стиля) 1605 года совершен сей торжественный обряд в присутствии короля, всего двора, князей Австрийского дома и многих польских вельмож.

С двумястами человек из своей свиты прибыл русский посол к дому Фирлея, где устроен был по католическому обряду алтарь. Кардинал Мациевский с папским нунцием ожидали прибытия новобрачных. Король приехал прежде, и когда все было готово, польские паны ввели посла и Марину, которую сопровождала сестра королевская. Пред начатием обряда посол чрез канцлера литовского Льва Сапегу повторил торжественно о причине своего посольства, просил для своего государя руки Марины, а у воеводы Мнишеха отцовского благословения. От имени отца отвечал воевода Ленчинский, объявляя его соизволение. Тогда кардинал Мациевский произнес сперва приличную сему случаю речь, исчисляя все выгоды для обоих государств от сего союза, и заключил оную духовным поучением. Посол в сие время сохранял неприятное

для присутствовавших равнодушие. По обыкновению католической церкви, будучи вопрошен кардиналом: «Не венчался ли царь с кем-нибудь прежде?» – он хладнокровно отвечал: «*А что я знаю? Он мне этого не поверял*». Окружавшие посла польские вельможи просили его изъясниться определенительно. Тогда посол сказал: «*Если б он с кем другим венчался, то бы меня сюда не посылал*». Все, что было говорено по-латыни, посол отвергнул, сказав: «*Это все лишнее; я сюда прибыл венчаться с госпожою Мариною; я один должен с нею говорить, а она – венчаться с царем чрез меня*». Наконец после венчального обряда Марина была поздравляема всем собранием Русскою царицей. День кончился великолепным пиршеством, во время коего русский посол поднес королю, Марине и ее отцу богатые подарки от себя и от своего государя.

В январе 1606 года Марина отправилась в Россию в сопровождении отца своего, русского посла, польских послов Гонсевского и Олесницкого и тысячи всадников стражи. 17 (нового стиля) апреля 1606 года она вступила в российские пределы и была встречена Лжедмитрием в Можайске. В проезд свой чрез Россию она повсюду была принимаема с приличными сану ее почестями. 2 мая (нового стиля) она въехала торжественно в Кремль. Иностранцы, бывшие свидетелями сего торжества и обряда коронования Лжедмитрия и Марины, говорят, что они никогда не видали подобного великолепия. Все, что может придумать азиатская роскошь и европейская образованность, было с искусством употреблено при сем случае. Богатство Востока и утонченность Европы соревновали к приисканию зрелищ, увеселений и пиршеств, которые продолжались беспрестанно от прибытия Марины в Москву до низвержения самозванца.

Лжедмитрий употреблял все возможные средства, чтобы привязать к себе народ русский, но его меры оставались недействительными: ни щедрость, ни снисхождение не могли привлечь к нему сердец, оскорбленных его презрением к русским нравам и обычаям. Между тем поляки и другие иностранцы, гордясь услугами, оказанными новому царю, которого они из праха возвели на трон потомков Рюрика, безнаказанно притесняли простой народ и находили удовольствие в оскорблении гордых русских бояр. Среди пиршеств и веселия польское юношество предавалось неистовствам и насилиям всякого рода. Явно грабили на улицах, оскорбляли женщин и даже били смиренных, безвинных граждан. Исчезло повиновение в сем неустрашимом воинстве, набранном из охотников, по большей части людей без нравов и собственности, которые единственно для добычи устремились в чужую землю и поступали в оной, как в стране покоренной. Тщетно некоторые польские вельможи хотели прекратить сии бесчинства, представляя соотчикам своим неминуемую опасность и угрожая им мстью обиженных россиян; им не внимали и продолжали бесчинствовать. Народ и бояре явно роптали и представляли царю свои жалобы. Он слушал оные, обещал заступиться – и ничего не делал, отвращая взоры свои от сих несправедливостей. Его молчание почитали знаком согласия, и русские в нововенчанном царе видели своего мучителя. Он сделался предметом всеобщей ненависти, и всякое новое злодеяние, совершенное его клеветами, падало на него, ибо он был истинною причиною всех сих бедствий.

Бояре более еще, нежели простой народ, ненавидели Лжедмитрия. Самозванец не доверял им, обходился с ними весьма презрительно и важнейшие в государстве должности поручал полякам. Духовенство с справедливым негодованием взирало на иезуитов, пресмыкавшихся в царских чертогах и шептавших царю на ухо в присутствии вельмож и чиновников. Лжедмитрий ходил в польской одежде, не соблюдал предписаний православной российской церкви, пренебрегал обыкновения, освященные временем. Народ усомнился даже в том, что он русский; и начал презирать его великолепие и ребяческую суетность, которыми он прикрывал свое ничтожество.

Марина, напротив того, снискала себе любовь многих русских бояр своею вежливостию, умом и красотою. Она даже подавала мужу своему благие советы более заниматься государственными делами, сближаться с русскими и обходиться с ними ласково. Он не слушался ее и

проводил время в пиршествах и забавах. Легковерный думал, что уже победил все преграды, истребив род Годуновых и окружив себя чужеземными войсками. Лжедмитрий равномерно не слушал советов своего тестя Мнишеха и папского нунция Рангони, который чрез своего племянника напоминал ему, что должно поступать осторожнее. В упоении роскоши самозванец не видел меча Дамоклеса, который висел над его главою и уже готов был упасть.

Открытие заговора между боярами и великодушный поступок самозванца с Дмитрием Шуйским, обличенным в намерении лишить его жизни, не истребил в сей фамилии ненависти и пагубных для самозванца замыслов. Пламя таилось под пеплом и готово было вспыхнуть. Заговор существовал во всей своей силе, и только ожидали прибытия Марины и с нею возвращения сокровищ, отправленных из Москвы в подарках, чтоб привести оный в исполнение.

По прибытии Марины в Москву заговорщики начали распускать в народе слухи о намерении царя истребить русских бояр, духовенство и ввести в России римско-католическую веру.

Уже иезуиты имели позволение строить церкви и заводить католические училища; народ твердо был уверен, что сие клонится к уничтожению православия. Другая ужасная мысль, о замысле Лжедмитрия истребить бояр, также имела вид правдоподобия. Польское воинство намеревалось отправить военные игры в честь новой царицы и делало к сему различные приготовления. Приверженцы Шуйских говорили, что поляки готовятся во время торжества умертвить русских и завладеть их имением и женами. Дурное поведение сих иноземцев и беспрестанные их насилия придавали вероятность сим предположениям. Народ с нетерпением ожидал минуты, чтобы свергнуть с себя сие несносное для него иго и отмстить за нанесенные ему обиды. Наконец час мщения наступил, и народ русский начал сию ужасную борьбу, в которой Россия, испытав все возможные бедствия, наконец восторжествовала над своими противниками. Роду Романовых предоставлено было провидением излечить глубокие раны, нанесенные ей внешними и внутренними врагами, утвердить колебавшееся царство и возвести оное на высочайшую степень славы и могущества.

В ночи с 16-го на 17-е мая, когда Лжедмитрий после пиршества лежал в глубоком сне, главные заговорщики собрались в доме Василия Ивановича Шуйского. Один из них именем царя повелел тремстам иностранным алебардистам, бывшим на страже в Кремле, разойтись по домам. Легковерные исполнили сие мнимое повеление царя, оставив только тридцать человек для охранения ворот. В три часа утра грозный набат раздался в городе и возбудил от сна уstraшенных жителей столицы. Лжедмитрий соскочил с постели, накинул на себя польское полукафтание, вооружился турецкою саблею и выбежал второпях в ближнюю комнату, где встретил Дмитрия Шуйского. «На что быют тревогу?» – спросил самозванец. – «На пожар», – отвечал Шуйский и поспешил удалиться. Между тем народ толпится на улицах и повторяет те же самые вопросы. Рассеянные по всем частям города заговорщики вопиют, что литва режет бояр. Граждане, вооруженные ружьями, копьями и рогатинами, вламываются в дома, занимаемые поляками, и начинают ужасное кровопролитие. Ударили во все колокола; смятение сделалось общим, и народ устремился во дворец. Тридцать немецких алебардистов удержали в воротах первое нападение. Является Василий Шуйский, держа в одной руке крест, а в другой меч. «Пойдем карать похитителя престола и тирана, – возгласил он к народу, – если мы не умертвим его, пропали наши головы». По гласу мужа, указующего знамение Спасителя, народ бросился в ворота. Некоторые из немецких алебардистов пали от выстрелов; прочие разбежались, и неистовая чернь проникла в чертоги. В комнатах не было стражи: царедворцы оставили своего повелителя в несчастьи; один Басманов пребыл верным. Самозванец в сие время был в недоумении, колебался между страхом и надеждою и не знал, на что решиться. Басманов вбегает к нему опрометью: «Измена, государь! – восклицает он. – Я умру, но ты помышляй о себе!» С сим словом он стал в дверях и мужественно защищал вход, доколе не упал на пороге, пронзенный множеством ударов. По трупу Басманова народ ворвался в покой самозванца, который, желая избегнуть его ярости, выскочил из нижнего жилья в окно и жестоко

ушибся при сем падении. В сие же время один из народа нанес ему глубокую рану в ногу; несчастный, лишившись чувств, лежал на земле, истекая кровью. Стрельцы окружили его и, сжалившись над его положением, отлили водою, возвратили к жизни и начали разгонять народ, который с воплем требовал головы самозванца. Слабым голосом Лжедмитрий умолял стрельцов спасти его, обещая им в награду имение и жен боярских. Тогда начальники заговорщиков, видя, что наступила решительная минута, которой не надлежало терять в пустых переговорах, громко воскликнули к своим единомышленникам: «Пойдем в город, подожжем стрельцкие дома и перережем их жен и детей!» Сии ужасные слова как громом поразили стрельцов: любовь родительская и супружеская привязанность погасили в сердцах отзыв корыстолюбия. Они опустили ружья и в безмолвии разошлись, предав самозванца на жертву народу. В сие время бояре обступили его, поносили ругательствами, называя самозванцем, Гришкою Отрепьевым, изувером, богоотступником, и повелевали признаться в истине его происхождения. Зрелище ужасное и поучительное для честолюбцев, которые, пользуясь легковерием и ослеплением людей, дерзают возноситься из праха обманами и коварством! Лжедмитрий не мог уже подняться на ноги: окруженный боярами, он сидел, перевалиясь назад и опираясь о землю руками, которые скользили по собственной его крови; с выражением глубокого страдания он обращал кругом умоляющие взоры и заклинал сжалиться над ним. «Если вы не верите мне, – говорил он угасающим голосом, – что я сын царский, спросите у царицы, матери моей». – «Она отрекается от тебя, – возразил один из бояр, – обман твой обнаружен, нет тебе спасения!» Тогда Лжедмитрий, видя, что сострадание замерло в душах его врагов, опустил голову на грудь, закрыл глаза и ожидал смерти. Боярский сын Григорий Волуев пробился сквозь толпу и выстрелил в него из карабина, который он имел под полою своего кафтана. Лжедмитрий опрокинулся навзничь. Дворянин Воейков нанес ему другой удар – и несчастного не стало. Ожесточенная чернь долго ругалась над его телом, которое наконец повлекли за ноги в монастырь, чтоб показать вдовствующей царице, а после сего вместе с телом верного Басманова выставили посреди площади на всенародное позорище. Когда сие происходило с Лжедмитрием, часть заговорщиков при самом начале смятения бросилась в комнаты Марины. Она уже из окна своего видела толпы вооруженного народа, слышала колокольный звон, грозные вопли, выстрелы – и готовилась к смерти. Придворные женщины с жалостным криком вбежали к ней и с трепетом объявили, что разъяренная чернь вломилась в чертоги и с угрозами ищет царицы. Марина не произнесла ни одного слова, поправила на себе одежду и с твердостью ожидала своей участи. Наконец толпа народа явилась у ее дверей, которые защищал юный Осмольский, паж царицы. Несколько выстрелов повергли на землю великодушного юношу; одна из пуль ранила гофмейстерину Марины госпожу Хмелецкую, и смертный страх овладел несчастными женщинами, окружавшими царицу. Их жалостные вопли, мольбы и слезы смягчили наконец народную злобу, но не истребили мести. Сорвав одежды и драгоценные уборы с Марины и ее приближенных, народ повлек их из Кремля в соседний дом, принадлежавший некогда Годуну, где заговорщики приставили крепкую стражу. Во время продолжавшегося в городе кровопролития, когда ее родственники и единоплеменники погибали или находились на краю гибели, Марина, полунагая, окруженная своими женщинами, предавшимися отчаянию, сохраняла спокойствие и присутствие духа. Она не роптала, не жаловалась, не пролиwała слез и даже не утешала своих подруг: наблюдала хладное молчание, по временам молилась, прохаживалась большими шагами по комнате и только при усиливавшихся выстрелах произносила с чувством: «Бедные, несчастные, за что они терзают друг друга!» Все, что она представляла к успокоению отчаянных своих женщин, состояло в советах уповать на Бога и надеяться на его милосердие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.